

Слово,

сказанное вмѣсто запричастнаго стиха въ день годовичнаго поминавѣнія основателей и благотворителей Кіевской духовной Академіи и всѣхъ въ ней учившихъ и учившихся ¹⁾.

*„Азъ живу, и вы живи
будете“ (Іоан. XIV, 19).*

Этими словами Божественнаго Спасителя нашего, сказанными Имъ въ то время, когда Онъ готовился претерпѣть крестныя страданія и вольную смерть, завершившія искупительный подвигъ всей Его земной жизни, мы рѣшаемся, возлюбленные братіе, начать свое слово въ нынѣшній день годовичнаго поминавѣнія всѣхъ прошедшихъ поколѣній нашей Академіи, ея основателей и покровителей, ея учителей и учениковъ, день, повидимому, торжества смерти и близкаго съ ней забвенія, а на самомъ дѣлѣ,—лучшаго свидѣтельства объ истинной жизни и одушевленнаго воспоминанія о ея носителяхъ. „Азъ живу“, говоритъ Спаситель нашъ съ безусловностью, не оставляющею никакого сомнѣнія,—и это тогда, когда къ Нему приближался уже часъ смерти, когда наступалъ конецъ Его служенія роду человѣческому. Та грань, которая отдѣляетъ для каждаго изъ насъ наше земное поприще отъ послѣдующаго бытія, симъ власнымъ словомъ: „Азъ живу“ какъ бы совершенно уничтожается. Изъ этого слова ясно видно, что смерть не имѣетъ власти

¹⁾ Произнесено въ великой церкви Братскаго монастыря 31 декабря 1904 г.
Труды Киевск. Дух. Акад. Т. I. 1905 г.

надъ Господомъ нашимъ, что Онъ живетъ подлинною истинною жизнью, жизнью не прекращающейся, возвышающейся и торжествующей надъ смертью. Но не о себѣ только Господь даетъ торжественное увѣреніе въ томъ, что Онъ живетъ. Ему, какъ Единородному Сыну Божію, имѣющему животъ въ Себѣ (Іоан. V, 26), по самой природѣ свойственна вѣчная жизнь, и падо удивляться не этой Его жизни, а тому,—какъ, при обладаніи такою жизнью, Онъ сталъ причастенъ и человѣческой смерти. Но съ тою же непоколебимою вѣрностью, съ какою Господь свидѣтельствуетъ о Своей жизни, Онъ изрекаетъ подобное же обѣщаніе жизни и ученикамъ Своимъ. *„И вы живи будете“*, говоритъ Онъ имъ. И вотъ это-то слово Господа можетъ возбудить у насъ недоумѣніе, такъ какъ мы знаемъ, что и ученики Христовы пострадали за дѣло своего Божественнаго Учителя и ихъ земная жизнь закончилась давно уже и притомъ, большею частью, мученическою насильственною смертью. Даже и тотъ ученикъ, „егоже любяше Иисусъ“ и о которомъ „изыде слово въ братію, яко ученикъ той не умретъ“ (Іоан. XXI, 23), и онъ, хотя позже другихъ Апостоловъ, скончалъ дни свои на землѣ. Но неложно слово Спасителя нашего и подтверждается оно многими другими Его изреченіями: *„вѣруй въ Мя, говоритъ Онъ, и имать животъ вѣчный“* (Іоан. VI, 47), *„аще кто слово Моє соблюдетъ, смерти не имать видѣти во вѣки“* (VIII, 51), *„всякъ живый и вѣруй въ Мя не умретъ во вѣки“* (XI, 26). Итакъ, нужно признать, что св. ученики возлюбленнаго Господа нашего живы, хотя и скончали дни свои на землѣ. Они живы у Бога, Который говоритъ о Себѣ: *„Азъ есмь Богъ Авраамовъ, и Богъ Исааковъ, и Богъ Іаковъ; нѣсть Богъ, Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ“* (Мѡ. XXII, 32), у Котораго всѣ *„живы суть“* (Лук. XX, 36). Живы они въ св. соборной и апостольской Церкви, насажденной ихъ проповѣдническими трудами и назданной на

основаніи Апостолъ и пророкъ (Еф. III, 20), постоянно ихъ прославляющей и питающей, какъ духовною пищею, ихъ богодухновенными писаніями. Оживутъ они, конечно, вмѣстѣ со всѣми усопшими и тогда, когда „*Самъ Господь въ повѣтъннѣи, во гласъ Архангеловъ и въ трубы Божіи, снидетъ съ небесе, и мертвіи о Христѣ воскреснутъ первѣе*“ (I Сол. IV, 16). Будутъ жить св. Апостолы и въ будущемъ блаженномъ вѣкѣ, составляя основаніе небеснаго града, святаго Іерусалима (Апок. XXI, 14). Словомъ, несомнѣнно живы тѣ, которымъ явилась сама вѣчная Жизнь, бывшая у Отца, которые своими очами видѣли и своими руками осязали самое Слово жизни (I Іоан. I, 1—2).

Но это неложное слово Спасителя нашего: „и вы живы будете“, сказанное Имъ Своимъ первымъ ученикамъ и на нихъ исполнившееся, имѣетъ приложеніе и ко всѣмъ Его ученикамъ, ко всѣмъ тѣмъ, кто старается быть вѣрнымъ Его, словамъ и заповѣдямъ. Держаемъ вѣрить, что оно приложимо и къ тѣмъ умершимъ отцамъ и братіямъ нашимъ, всѣмъ непостыднымъ дѣятелямъ и самоотверженнымъ благотворителямъ нашей старой духовной школы, для церковнаго поминовенія которыхъ мы собрались сюда въ сей св. храмъ, слѣдуя завѣту Апостола — не оставаться должными никому ничѣмъ, кромѣ взаимной любви (Римл. XIII, 8). Длиннымъ рядомъ именъ проходитъ теперь передъ нами вся славная исторія нашей Академіи, составляющая наше высшее утѣшеніе и поселяющая въ насъ крѣпкую надежду на будущее. Мысленнымъ взоромъ мы окидываемъ и все то неисчислимое множество не вошедшихъ въ нашъ академическій синодикъ по безвѣстности именъ тружениковъ, вышедшихъ изъ нашей школы и добросовѣстно работавшихъ во славу Божию на разнообразныхъ поприщахъ, — и мы еще болѣе радуемся за нашу школу. Но вмѣстѣ съ этимъ отраднымъ, возвышающимъ насъ чувствомъ утѣшенія въ славной и плодотворной дѣятельности нашихъ предшественниковъ всѣмъ

намъ присуще въ настоящій часъ и другое чувство. Намъ невольно объемлетъ и чувство скорби о томъ, что безжалостная смерть положила конецъ этой дѣятельности нашихъ предшественниковъ, что она похитила у насъ многихъ славныхъ мужей, блиставшихъ многими и великими талантами, приумноженными ими по заповѣди Евангелія. Въдѣ теперь между нами, по милости Божіей еще живыми, и тѣми, взятыми изъ среды живыхъ въ разное время до самаго послѣдняго года включительно, предшественниками нашими существуетъ какъ бы рѣзкая грань и мы готовы считать себя обладающими преимуществомъ жизни предъ поминаемыми нынѣ умершими дѣятелями. Правда, мы хорошо сознаемъ всю непрочность и мимолетность этого своего преимущества, ибо пройдутъ годы, а можетъ быть, даже одинъ будущій годъ, и мы можемъ приложиться къ отцамъ своимъ. Но эта мысль о концѣ и нашей жизни и дѣятельности можетъ только больше усилить печальное чувство, возбужденное настоящимъ поминовениемъ.

Однако, братіе, истинно слово Господа нашего: „аминь, аминь глаголю вамъ: еще зерно пшенично падъ на земли не умретъ, то едино пребываетъ: еще же умретъ, много плодъ сотворитъ“ (Іоан. XII, 24). Если мы глубже задумаемся и лучше прочувствуемъ смыслъ и значеніе настоящаго нашего, повидимому, печальнаго, ибо связаннаго съ мыслью о смерти, поминовения, то убѣдимся въ томъ, что слово Спасителя нашего о жизни Его учениковъ исполняется и должно исполняться и на поминаемыхъ нынѣ нами наставникахъ нашихъ, воспитанникахъ нашей школы и всѣхъ ея ревнителяхъ. Изъ-за разрушенныхъ смертію тѣлесныхъ храминъ и ставшей уже достояніемъ исторіи дѣятельности нашихъ духовныхъ предковъ и отцевъ въ духовномъ бытіи нашемъ передъ нами обнаружится тогда ихъ подлинная, не прекращающаяся и понынѣ, жизнь. —Въ самомъ дѣлѣ, прошелъ годъ съ той поры, когда мы такъ же торжественно,

какъ и сейчасъ, вспоминали умершихъ членовъ и покровителей нашей академической семьи. И вотъ, въ то время какъ для насъ эта исчезнувшая въ вѣчности година напомнила, быть можетъ, лишь только о томъ, что мы приблизились на извѣстную степень къ могилѣ и безвозвратно потеряли цѣлое сокровище, заключавшееся въ указанной частицѣ времени, ибо за послѣднее пріобрѣтается вѣчность, для поминаемыхъ нынѣ нашихъ усопшихъ истекшій годъ былъ новымъ пріобрѣтеніемъ ими славы и усугубленной за нихъ молитвы. Именно, въ лицѣ тѣхъ юношей, которые влились новой волной въ этотъ году въ составъ нашей академической дружины и пріобщились безцѣннымъ сокровищамъ знанія, накопленныхъ воспоминаемыми прежними дѣятелями, число благодарныхъ молитвенниковъ за этихъ послѣднихъ увеличилось. Истекшій годъ, далѣе, подвинулъ впередъ трудъ разработки исторіи нашей матери школы, исторіи, которая должна намъ представить величественный образъ этой стародавней школы во весь ея трехвѣковой ростъ, при чемъ многіе забытые или недостаточно оцѣненные дѣятели старой Академіи были выведены изъ мрака забвенія. Наконецъ, прошедшій годъ просто увеличилъ протяженіе исторіи и съ его минованіемъ удлинилась историческая перспектива. Многое при этомъ перемѣнилось или позабылось. Но для нашихъ дорогихъ усопшихъ насталъ новый часъ ихъ чествованія и какъ на темнѣющемъ все больше и больше съ наступленіемъ ночи небосклонѣ ярче сіяють звѣзды, такъ и въ отодвинувшейся еще на одно дѣленіе времени прежней исторіи нашей Академіи сильнѣе выступаетъ все значеніе и великихъ и малыхъ въ ней дѣятелей. Словомъ, если мы, быть можетъ, просто потеряли прошедшій годъ для вѣчности, то наши дорогіе академическіе покойники безъ всякаго сомнѣнія пріобрѣли этотъ годъ въ постоянной памяти о нихъ. Въ такомъ значеніи для нихъ новаго, прибавившагося къ посмертной

памяти ихъ, года можно видѣть какъ бы отраженіе той вѣчности, въ какую они перешли, стяжанъ ее благоразумно и цѣльностно употребленнымъ временемъ своей земной жизни.

Но прошелъ не одинъ только годъ, а прошли почти три вѣка существованія въ семъ богоспасаемомъ градѣ и подъ сѣнью сей св. обители нашей школы, и этотъ длинный путь, пройденный ею, на которомъ она, переживая самыя разнообразныя и благопріятныя и неблагопріятныя обстоятельства, постепенно возрастала въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова (Еф. IV. 13), есть лучшее свидѣтельство безсмертія усопшихъ дѣателей нашей Академіи. Живо доселѣ и жизненно то великое дѣло, надъ которымъ они трудились всю свою жизнь и которое отстаивали съ великими жертвами. Это дѣло—защипленіе, сохраненіе въ чистотѣ и выясненіе нашей драгоценной православной евангельской вѣры посредствомъ столь сильнаго и надежнаго пособія ея, какимъ является богословская наука. Всякій долженъ согласиться, что большею живою и творческою и жизнеспособностью обладаютъ тѣ начала, во имя которыхъ выступили на свое трудное поприще и съ честью подвизались на немъ воспоминаемые нынѣ прежніе дѣатели нашей Академіи, если, не смотря на всѣ бѣды и напасти, которыми полны начальныя страницы нашей академической исторіи, мы являемся свидѣтелями продолжающагося роста нашей родной школы. Эти начала: правая вѣра и истинное знаніе, одушевленное духомъ благочестія и братодлюбія. И въ этомъ живомъ и неумирающемъ дѣлѣ вѣры и знанія и обрѣли себѣ истинную жизнь и безсмертную славу воспоминаемые нынѣ наши духовные предки и отцы.

Однако, кто-нибудь скажетъ, что все это говорить только объ историческомъ безсмертіи нашихъ умершихъ, о продолжающейся жизни не ихъ самихъ, а того дѣла, кото-

рому они служили, между тѣмъ какъ насъ печалить именно лишеніе возможности личнаго общенія съ ними, отсутствіе ихъ среди насъ, какъ живыхъ опредѣленныхъ и дорогихъ для насъ лицъ.

Но какое, скажемъ мы, есть основаніе раздѣлять въ бывшихъ академическихъ дѣятеляхъ ихъ личность отъ ихъ дѣла? Вѣдь они сами такъ не дѣлали, а, наоборотъ, они отождествляли себя и свое дѣло, не мыслили себя внѣ его. Они влагали въ него всю свою душу, всѣ свои дарованія, полагали на него всю свою жизнь. Да и самое ихъ дѣло, которое является теперь и нашимъ, такого свойства, что его нельзя дѣлать съ раздвоенною душою, не полюбивъ его всею силами своего духа. А если такъ, то не правы ли были мы, утверждая, что въ великомъ дѣлѣ—жизни нашей школы, созданной прежними поколѣніями академическихъ дѣятелей, несомнѣнно живы самые эти дѣятели и живы они не только по своимъ именамъ, но и по самымъ своимъ личнымъ особенностямъ и дарованіямъ? Печать ихъ личнаго творчества лежитъ на всемъ оставшемся послѣ нихъ: на ихъ произведеніяхъ слова и мысли, на лучшихъ обычаяхъ и преданіяхъ, сохраняющихся въ нашей средѣ, на строѣ и духѣ нашей школы, даже на самыхъ внѣшнихъ сооруженіяхъ этой школы. И вотъ, приобщаясь съ любовью ихъ дѣлу, достойному самому по себѣ любви, мы тѣмъ самымъ входимъ въ живое общеніе съ этими прежними академическими дѣятелями, а послѣдніе какъ бы снова оживаютъ въ самой лучшей части ихъ личной жизни.

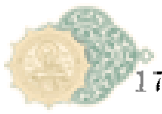
Но если кого-либо не удовлетворитъ такое частичное, такъ сказать, общеніе наше съ самыми лицами почившихъ наставниковъ и предшественниковъ нашихъ, то станетъ ли онъ отрицать, что въ настоящій часъ одушевленнаго молитвеннаго воспоминанія нашего о нихъ, когда принесена за нихъ страшная безкровная жертва, не происходитъ живого

личнаго общенія двухъ половинъ нашего академическаго братства: небесной, загробной, воспоминаемой нами, и земной, составляемой нами, участвующими въ этомъ воспоминаніи? Вѣримъ, что умершіе отцы и предки наши въ настоящій часъ съ великою любовію, которая, по слову Апостола, *„николиже отпадаетъ“* (1 Кор. XIII, 8), взираютъ на молитвенное собраніе ихъ позднѣйшихъ преемниковъ, движимое также единокдушнымъ чувствомъ любви къ нимъ.

Самое же главное, что свидѣтельствуетъ о жизни нашихъ усопшихъ отцевъ и братьевъ, не смотря на видимую смерть ихъ, это—слово Божіе, которое учитъ, что *„иже аще напоитъ единая отъ малыхъ сихъ чашею студены воды токмо, во имя ученика, не погубитъ мзды своея“* (Мѡ. X, 42). Если и такое ничтожное, повидимому, дѣло, какъ подача чашки холодной воды, будетъ вознаграждено, то какая, спрашивается, назначена мзда по суду Божественной правды тѣмъ, которые утоляли не тѣлесную жажду и не случайно, а всю жизнь свою посвящали на то, чтобы насытить алчущихъ духовнаго хлѣба—слова Божія и напоить жаждущихъ духовной воды—Божественнаго ученія Спасителя нашего? Объ этомъ послѣднемъ Онъ Самъ сказалъ: *„иже пьетъ отъ воды, юже Азъ дамъ ему, не жаждетъ во вѣки, но вода, юже Азъ дамъ ему, будетъ въ немъ источникъ воды текущія въ животъ вѣчный“* (Іоан. IV, 14). Если въ воспринимающемъ только это ученіе плодомъ его принятія является жизнь вѣчная, то тѣмъ болѣе въ тѣхъ, чрезъ посредство которыхъ это совершается, а таковыми должны были быть и были почившіе наставники наши, *„иже глаголаша намъ слово Божіе“* (Евр. XIII, 7). Поистинѣ плодъ ихъ во святыню, а кончина—животъ вѣчный. И это наше убѣжденіе въ томъ, что съ благою совѣстью потрудившіеся отцы и предки наши стали под-

лежать исполненію на нихъ слова Господня ученикамъ: „и вы живи будете“, становятся еще очевиднѣе, если мы обратимъ вниманіе на что, что и самая вѣчная жизнь—это высшее благо для разумныхъ духовныхъ существъ, по ученію слова Божія, не есть что-либо совершенно потустороннее, а она состоитъ въ живомъ Богопознаніи, которое начинается еще здѣсь. „Се же есть животъ вѣчный, сказалъ Спаситель въ первосвященнической молитвѣ, да знаютъ Тебе единого истиннаго Бога и Егоже послалъ еси Иисусъ Христъ“ (Іоан. XVII, 17). Чему же другому, какъ не истинному Богопознанію и истинной вѣры въ Господа нашего Иисуса Христа научали своихъ учениковъ почившіе наставники наши, стараясь и сами для себя уяснить возможно лучше такое познаніе и такую вѣру? Не начали ли они, поэтому, еще здѣсь на землѣ жить истинною вѣчною жизнью, надъ которой не имѣла особой власти постигшая всѣхъ ихъ видимая смерть? Последняя была только разрѣшеніемъ ихъ отъ немало препятствовавшихъ на пути къ истинному Богопознанію условій земной жизни, гдѣ мы только „яко зеркаломъ въ гаданіи“ постигаемъ тайны вѣры, и переходимъ въ лучшую для этой цѣли форму бытія, въ которой возможно познаніе Бога такъ, какъ мы сами Имъ познаны, „лицемъ къ лицу“.

Но наша вѣра въ истинную жизнь нашихъ предшественниковъ, для стяжанія которой они трудились неуставно здѣсь, переходитъ въ видѣніе, а простое убѣжденіе въ несомнѣнную истину, когда мы обратимъ свои взоры къ дражайшей троицѣ угодниковъ Божіихъ, вышедшихъ изъ нашей школы и прославляемой теперь всею нашею церковью,—святителямъ Θεодосію Черниговскому, Димитрію Ростовскому и Иннокентію Иркутскому. Воистину живъ Господь, живы души ихъ, но животворны и самыя св. тѣла ихъ, источающія многія благодатныя знаменія!

Возлюбленные братіе, дѣти общей вѣсѣмъ намъ нашей матери-школы! Воспоминая вѣсѣхъ бывшихъ и умершихъ тружениковъ нашей школы, мы возвышаемся до пониманія истинной жизни, жизни, отрѣшенной отъ всего условнаго, случайнаго, призрачнаго. Мы, живые, учимся такимъ образомъ жизни у нашихъ дорогихъ умершихъ и должны учиться ей у нихъ, ибо то преимущество жизни, которымъ мы склонны, быть можетъ, превозноситься перееъ ними, оказывается не только временнымъ и непрочнымъ, но иногда и совершенно мнимымъ. Божественный тайнозритель въ откровеніи слышалъ: *„и ангелу Сардійскія церкви напиши: тако глаголетъ ильіаъ семь духовъ Божіихъ и семь звѣздъ: вѣль твоя цѣла, яко ильа илаши яко живъ, а мертвъ еси“* (Апок. III, 1). Можно, слѣдовательно, числиться въ средѣ живыхъ, а быть въ сущности мертвымъ, какъ и наоборотъ, наши воспоминаемые нынѣ усопшіе, хотя и мертвы, продолжаютъ жить. И вотъ, одушевленные воспоминаніемъ о нихъ, вознеся горячія молитвы о тѣхъ изъ нихъ, прегрѣшенія и немощи которыхъ, быть можетъ, воспрепятствовали имъ въ полной мѣрѣ: пріобщиться вѣчной жизни, усердно, *тщаніемъ не лѣниви, духомъ горяще*, будемъ продолжать унаслѣдованное отъ нихъ великое и святое ихъ дѣло. И тогда и на насъ несомнѣнно исполнятся высокорадостныя и утѣшительныя слова Господа, обращенныя Имъ къ вѣрнымъ ученикамъ Своимъ: *„и вы живи будете“*. Аминь.

Гермонахъ Анатолій.